

РАИСА МИНАКОВА

*Иосиф Бродский:
на краю империи*

ПАЛ Ы МИ РА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 3

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)
М61

Минакова Р.

М61 Иосиф Бродский: на краю империи / Раиса Минакова. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2023. — 139 с. — (Серия «Пальмира — искусство»).

ISBN 978-5-517-08795-9

Книга «Иосиф Бродский: на краю империи» — литературная биография, в которой Раиса Минакова внимательно разбирает поэтические и жизненные траектории, связывающие известного поэта с западными территориями СССР: Калининградом (Кенигсбергом) и Литвой, а также с Польшей. Раиса Минакова — калининградская писательница и краевед — в своей книге не просто анализирует биографию и тексты Бродского, но сопоставляет их с собственными воспоминаниями о детстве в Калининграде, любимых местах и первых прочитанных в 1990-х годах стихотворениях Бродского. Повествование проникнуто одновременно и любовью к творчеству, и очень личным отношением к описываемым местам, к давно ушедшему времени.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)

ISBN 978-5-517-08795-9

© Минакова Р. Д., 2023
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2023

Поэт, время и мы

Пусть и вправду, Постум, курица не птица,
но с куриными мозгамихватишь горя.
Если выпало в Империи родиться,
лучше жить в глухой провинции у моря.

И от Цезаря далеко, и от вьюги,
Лебезить не нужно, трусить, торопиться.
Говоришь, что все наместники — ворюги?
Но ворюга мне милей, чем кровопийца.

(«Письма римскому другу»)

«Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря». Это что же за провинция такая? Литва? Одна из пятнадцати республик «Союза нерушимого»? Да, она. Но и Польша в ту пору живёт по указке Москвы: из пренебрежения родилась ведь пословица «курица не птица — Польша не заграница». По слову Ирэны Грудзинской-Гросс, исследовательницы творчества Иосифа Бродского, «Польша в те годы являлась незыблемой частью империи Советов»¹. А зажатый меж ними Калининград, военный трофей, Кёнигсберг — островок империи — тоже ведь провинция у моря.

¹ Грудзинская-Гросс И. И. Бродский и Польша. Под влиянием?. Журнальный зал. Старое литературное обозрение, 2001, № 2 (278).

С империей и Цезарем у поэта нелады. А вот в «глухие провинции», на берега Балтики его тянуло всегда.

Бродский словно выдернул суровые нитки границ, сшивавшие лоскуты провинций империи, и на карте его души, какой она предстает в его поэзии, этот огромный осколок империи у моря един и неразделим.

Это территория его любви.

1

Из-за такта

Давними счастливыми веснами — завершалась школьная пора, разворачивались шестидесятые — мы были так заняты собой, что пропускали многое из того, что происходило вокруг. Однако память всё-таки кое-что ухватила.

Сталинградский проспект в Калининграде переименовали в проспект Мира: страна боролась с культом личности.

Никита Сергеевич Хрущев лишился должности первого секретаря Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза, и было ощущение переворота.

Евгений Евтушенко опубликовал за границей свою «Автобиографию» — и был предан анафеме. Его ругала центральная печать, одна из газет назвала поэта новоиспечённым Хлестаковым, а учительница литературы тиранила нас за то, что мы не разделяли её возмущения автором «Братской ГЭС».

Проворонили мы тогда одно событие. Мы были слишком молоды, увлечены собой и своими переживаниями, а человек, заглянувший тогда едва ли не на минутку в Калининград, не мог нас заинтересовать хотя бы потому, что ничего о нём не было слышно

тогда в нашей далёкой провинции. Иосиф Бродский, будущий лауреат Нобелевской премии по литературе, прибыл в наш город. Шёл 1963 год, и в это время исподволь готовилась высылка из Ленинграда «тунеядца» Иосифа Бродского, писавшего «крамольные» стихи.

Суд

В 1964 году Иосифа Бродского осудили на 5 лет ссылки за «социальный паразитизм» или тунеядство с принудительным исполнением тяжёлых физических работ. Приговор суда вызвал протест представителей русской и западной интеллигенции и был заменён 18 месяцами работ в одной из деревень Архангельской области.

18 февраля 1964 года Иосифа Бродского в первый раз привели в суд.

О том, что происходило в зале суда, мы знаем благодаря стенограмме, сделанной Фридой Вигдоровой².

Я долго не находила ответа на вопрос: почему власти вцепились именно в Бродского? Он не давал интервью западным радиостанциям, не стоял с плакатом на груди «В СССР нет свободы личности!», не участвовал в политических демонстрациях.

И вот, читая интервью с Евгением Рейном, отметила, что корреспондент Алексей Филиппов задаёт ему, по сути, тот же вопрос. Ответ хочу привести максимально полный, хотя и в сокращении, потому что Евгений Рейн словно приоткрывает окно в тот мир, где трудно было не задохнуться вольнолюбивому.

² *Фрида Вигдорова. «Суд над Иосифом Бродским». Стенограмма. Источник: <http://www.polit.ru/culture/2004/03/14/brodsky1.html>*

— Почему власти зацепились именно за него, ведь было же много и других поэтов-неформалов, потенциальных кандидатов в тунеядцы?

— Это мне до конца не ясно. Инициатором травли стал некий Яков Михайлович Лернер. Я его очень давно знал — он работал освобожденным секретарем профкома Технологического института. Это был темный жулик, явно связанный с КГБ, очень предприимчивый, с повадками незаурядного авантюриста. Гораздо позже Лернера судили за его махинации и посадили на восемь лет. А в наши времена он попался на каком-то воровстве в Технологическом институте и был уволен — местное начальство не стало выносить сор из избы и избавилось от Лернера без лишнего шума.

Бродский жил в Дзержинском районе города Ленинграда, там же размещалась контора со звучным именем «Гипрошахт». Лернер возник в ней в 1963 году, во время хрущевских указов по борьбе с тунеядством и народных дружин. Он работал завхозом «Гипрошахта» и одновременно возглавлял народную дружину Дзержинского района. Дружинники ловили фарцовщиков, валютчиков и проституток, а Лернер захотел заняться идеологией: он решил бороться с диссидентами.

...А постоянно менявший работу и в это время вообще ее не имевший Бродский оказался идеальной фигурой для показательного процесса. Он все время где-то выступал, появлялся на каких-то сомнительных с точки зрения властей сходках — и Лернер за него уцепился.

18 февраля начался процесс, на который почти никого не пустили. Бродского в результате отправили на психиатрическую экспертизу. Он настоял, чтобы его признали вполне вменяемым, и тогда состоялся второй суд,

он проходил 22 марта на Фонтанке в клубе строителей. ...Я был там с первой до последней минуты и видел, как из зала суда вывели стенографировавшую Фриду Вигдорову, московскую писательницу, самоотверженно защищавшую Бродского. (Она писала это тайком, зажав в ладонях огрызок карандаша и маленькие листочки бумаги.)

...Бродского обвиняли в том, что он тунеядствует, но у него в это время уже были переводы. Свидетели обвинения не знали, о ком, собственно, идет речь. Один хотя бы сказал, что видел стихи Бродского: он нашел их у своего сына, и те его разлагают. Остальные обходились и без этого: они выходили, говорили, что никогда не видели Бродского, да и не хотят видеть такого подонка. А затем давали показания.

Адвокат показывала договоры, называла суммы гонораров — в среднем Бродский зарабатывал рубль двадцать в день. Судья Савельева ответила, что это и есть тунеядство: как можно жить на такие деньги?!

Тогда Бродский сказал, что во время предварительного заключения он расписывался за сорок две копейки в день. Значит, на сорок две копейки жить можно, а на рубль двадцать нельзя?

Вся эта история во многом замыкалась на председателя Ленинградского отделения Союза писателей Александра Прокофьева. Кто-то прищемил его злой и веселой эпиграммой, и он думал, что ее сочинил Бродский. Комиссию по работе с молодыми ленинградского Союза писа возглавлял некто Воеводин, с прокофьевского благословения он родил удивительный документ: «Настоящая справка дана в том, что И. А. Бродский поэтом не является».

Судья никак не могла понять, что такое подстрочник: «Вы перевели часть книги «Кубинская поэзия». Вы что, кубинский знаете? Не знаете? Значит, вы пользуетесь чужим трудом».

Видные переводчики пытались объяснить ей суть дела, но это было бесполезно: «А почему вы вообще считаете себя поэтом? Кто вас им назначил?» Бродский ответил, что это от Бога, и судья возбудилась еще больше.

Все происходящее выглядело чрезвычайно нелепо. Суд развалился даже по советским временам, и мы думали, что приговор будет очень мягким. Но в обкоме все решили заранее: Иосифу дали пять лет ссылки, и он поехал в деревню Норенская Архангельской области, за тридцать километров от железнодорожной станции Коноша»³.

Интервью Алексея Филиппова с Евгением Рейном, близким другом Иосифа Бродского, — это уже документ истории, многое объясняющий нам в характере поэта, позволяющий лучше понимать его стихи и почувствовать то абсурдное время. «Настоящая справка дана в том, что И.А.Бродский поэтом не является». Смешно. Но он-то знал, что он — поэт. Какую внутреннюю силу нужно было иметь, чтобы не сломаться, не сорваться, не полететь в тартарары под улюлюканье толпы!

³ Алексей Филиппов. «Евгений Рейн: «Свидетели обвинения не знали, о ком идет речь». Источник: <http://knnr.ru/nlo-005.htm>